

¹³ См.: *Минаков А. С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX — начала XX веков // ОИ. 2005. № 3. С. 171.

¹⁴ ГАОрлО. Ф. 580. Ст. 3. Д. 4721. Л. 1–1 об., 5–6 об., 7–8 об., 9–10 об.

¹⁵ Цит. по: *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения... С. 172.

¹⁶ ГАРязО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1216. Л. 488–489 об.; 363–365 об.

¹⁷ Там же. Д. 1545. Л. 325.

¹⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 865. Л. 7–7 об.

В. Л. Степанов

ОТ ФРИТРЕДЕРСТВА К ПРОТЕКЦИОНИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В XIX в.

В XIX столетии таможенная политика России, как и в других странах, характеризовалась колебаниями между фритредерскими и протекционистскими тенденциями. При ее формировании ставились несколько взаимосвязанных целей: расширение экспортно-импортных операций, повышение доходов казны, активизация торгового баланса, поддержка отечественной промышленности. Эволюция правительственного курса зависела от развития внутреннего производства, состояния денежно-валютной системы, перемен в мировых внешнеторговых отношениях и международной коммерческой конъюнктуре. Под воздействием этих факторов в «верхах» и обществе в разные периоды приоритетным вниманием пользовались либерально-фритредерская и протекционистская концепции.

Российские фритредеры следовали тезисам классической школы в политэкономии о невмешательстве государства в развитие народного хозяйства, свободе торговли и международном разделении труда. А. Смит, Ж. Сисмонди, Ж. Б. Сэй, Д. Рикардо и другие теоретики утверждали, что только свободный товарообмен между странами может обеспечить благоденствие государств и народов. Их сторонники в России во многом выражали интересы аграриев, заинтересованных в потреблении заграничных товаров и экспорте сельскохозяйственной продукции. Фритредеры считали, что покровительственные пошлины препятствуют рациональному товарообмену на мировом рынке, повышают цену как иностранных, так и отечественных товаров, сдерживают рост народного богатства, отвлекают капиталы от земледелия в промышленность, которая дает более высокий доход. Однако, выступая против искусственного насаждения промышленных предприятий, они отнюдь не были противниками индустриализации. Более того, фритредеры заявляли, что свободная иностранная конкуренция даст стимул российской промышленности, страдающей от монопольной власти отечественных фабрикантов на внутреннем рынке, и очистит ее от нежизнеспособных предприятий. Вместе с тем они считались с реалиями России — низким уровнем доходов основной массы населения, узостью внутреннего рынка для сбыта заграничных товаров, слабостью торговых оборотов, неудовлетворительными путями сообщения. Фритредеры были вынуждены мириться с перспективой длительного существования охранительной системы, либерализация которой могла проводиться очень постепенно.

Противники свободы торговли ориентировались на идеи немецкой экономической науки, которые пропагандировались в трудах Ф. Листа, а также представителей «старой» и «молодой» исторической школы (В. Рошера, Б. Гильдебранда, К. Кнуса, Г. Шмоллера, Л. Брентано, К. Бюхера и др.). Стремлению фритредеров к всемирной глобализации эти ученые противопоставляли национально-государственные интересы, доказывали правомерность вмешательства «верховой власти» в экономическую жизнь, обосновывали необходимость протекционизма и автаркии. Их российские единомышленники считали, что отсталая Россия с ее слабо развитой промышленностью не может выдержать на внешних рынках конкуренцию с передовыми странами Европы. Они рассматривали протекционизм как механизм для защиты национальной экономики от иностранной экспансии, подчеркивали его важность для индустриализации страны, активизации внешней торговли и решения социальных задач. Протекционисты утверждали, что высокие пошлины способствуют развитию мелкой крестьянской промышленности и повышению жизненного уровня населения¹.

Таможенная политика России первой четверти XIX в. складывалась под влиянием острых международных конфликтов и военных столкновений. Протекционистский тариф 19 декабря 1810 г., принятый накануне войны с Наполеоном для защиты отечественной экономики в условиях континентальной блокады, запрещал импорт всех иностранных изделий, облагал высокой пошлиной полуфабрикаты и объявлял беспошлинным ввоз сырья, необходимого для мануфактур и ремесел². Этот акт стимулировал промышленное развитие страны и способствовал росту внешней торговли. Окончание наполеоновских войн сразу же отразилось на уровне таможенной охраны. Тариф 31 марта 1816 г.

снял многие запреты с импорта промышленных товаров³, а тариф 20 ноября 1819 г. установил сравнительно низкие ставки обложения и отменил все ограничения на ввоз изделий⁴.

Эти меры были уступкой союзникам по антинаполеоновской коалиции, прежде всего Великобритании и Пруссии, заинтересованным в расширении торговых связей с Россией. Кроме того, дворянство выражало сильное недовольство дороговизной отечественной продукции. Однако оба тарифа совершенно не соответствовали экономическим интересам страны. Смягчение таможенной охраны привело к резкому возрастанию импорта иностранных товаров, сокращению числа промышленных предприятий и объема выпускаемой продукции, ухудшению торгового баланса. Современники считали либеральный тариф 1819 г. вторым разорением России после наполеоновского нашествия. Правительство приняло во внимание интересы народного хозяйства и отечественных производителей. Вторая четверть XIX в. стала эпохой ужесточения таможенного режима. По тарифу 12 марта 1822 г. были повышены пошлины на ввоз предметов роскоши и ряд мануфактурных изделий, запрещен ввоз товаров, которые могли составить конкуренцию российским промышленникам⁵. Тем самым произошел возврат к протекционистскому курсу. Тариф оказал положительное влияние на развитие хлопчатобумажного производства, привел к изменению сальдо торгового баланса в пользу России, росту таможенных доходов, способствовал созданию предпосылок для промышленной революции.

Вместе с тем высокие таможенные барьеры со временем стали отрицательно сказываться на прогрессе в отраслях тяжелой промышленности, так как из-за слабости собственной металлургической и машиностроительной базы экономика нуждалась в импорте иностранных материалов и оборудования для предприятий и железных дорог. Кроме того, повышение пошлин в значительной степени изолировало страну от мирового рынка и затрудняло экспорт сельскохозяйственной продукции, что наносило удар помещичьему хозяйству. Поэтому Министерство финансов старалось проводить гибкую политику, сочетая повышение и понижение пошлин на ввозимые товары с целью постепенного перехода от жесткой запретительной системы к охранительной. Это диктовалось и изменением ситуации на мировом рынке. В Великобритании одержала победу «манчестерская партия», и с отменой в 1846 г. хлебных законов начался переход к политике свободы торговли. Либерализация английской таможенной политики вызвала цепную реакцию по всей Европе. На этот путь встали Франция, Германский таможенный союз, Австрия, Италия и другие страны⁶.

Россия не могла оставаться в стороне от этого процесса. Третья четверть XIX в. ознаменовалась усилением фритредерских тенденций. 13 октября 1850 г. был введен умеренно-охранительный тариф, согласно которому значительно сокращалось число статей, снижались пошлины на импорт сырых полуфабрикатов и изделий, необходимых для развития промышленности⁷. Запрет на ввоз оставался лишь для нескольких десятков товаров. С целью расширения сбыта сельскохозяйственных товаров вывозные тарифные ставки на них понижались или вообще отменялись. Министерство финансов рассчитывало за счет увеличения ввозимой товарной массы значительно повысить таможенный доход. Результатом действия тарифа стали успехи в развитии промышленности, оживление внешней торговли, рост экспорта хлеба, ввоза машин и других изделий. Тем самым начался переход от запретительной системы к умеренному покровительству.

Этот курс получил дальнейшее развитие с утверждением тарифа 28 мая 1857 г.⁸ В нем в полной мере отразился расцвет популярности идей экономического либерализма, который переживала Россия после Крымской войны 1853–1856 гг. При поддержке правительства в стране оживилось предпринимательство, возникла сеть частных банков, развернулось сооружение железных дорог акционерными компаниями. По новому тарифу пошлины были понижены на 25–30 % почти по всем статьям. Переход к умеренно-охранительной системе завершился принятием тарифа 5 июля 1868 г.⁹ Он предусматривал еще большее снижение ставок на ввоз изделий и металлов для тяжелой промышленности. Итогом тарифов 1857 и 1868 гг. стало значительное смягчение таможенной защиты. Если в 1851 г. пошлины составляли 26,1 % стоимости ввезенных товаров, то в 1875 г. — 11,7 %¹⁰.

Умеренно-охранительная система способствовала обеспечению отечественной промышленности необходимыми товарами и расширению внешнеторговых связей России. Таможенный доход в 1868–1878 гг. возрос с 37,5 млн. до 80,7 млн. руб.¹¹ Однако уже через несколько лет возникла острая необходимость в дальнейшей корректировке действующего тарифа. Министерство финансов пыталось активизировать торговый баланс, всячески форсируя экспорт сельскохозяйственной продукции. Однако эти усилия не дали положительного результата. Из-за преобладания ввоза над вывозом баланс из года в год сводился с пассивным сальдо. Без его активизации было невозможно улучшить и платежный баланс, который постоянно складывался не в пользу России. Это в свою очередь препятствовало стабилизации денежного обращения, которое после Крымской войны находилось в расстро-

енном состоянии. Следствием отрицательного платежного баланса был значительный отлив золота за границу, усиление инфляции и нехватка платежных средств.

Кроме того, под влиянием мирового экономического кризиса 1873 г. в России осенью 1875 г. начался кризис перепроизводства, который выразился в замедлении темпов развития основных отраслей промышленности, снижении товарных цен, сокращении торговых оборотов, уменьшении объема экспорта. Последствия эпохи «экономической свободы» вызвали сильное общественное недовольство. В печати развернулась критика фритредерской доктрины, упала прежняя популярность классической политэкономии. Кризисные явления, которые переживало народное хозяйство, совпали с обострением международной обстановки. Россия находилась накануне столкновения с Турцией. С целью покрытия предстоящих военных расходов и поддержки оказавшейся в кризисе промышленности по закону 10 ноября 1876 г. пошлины с 1 января 1877 г. стали приниматься в золотой валюте, что по тогдашнему курсу кредитного рубля означало их повышение на 30 %¹².

Возрождение протекционизма отражало изменение экономической ситуации в стране. Смягчение таможенной политики было целесообразно лишь на стадии становления российской индустрии, когда она остро нуждалась в притоке сравнительно дешевых иностранных товаров. Но со временем по мере развития собственного производства конкуренция западной продукции стала наносить все больший ущерб отечественной промышленности. К концу 1870-х гг., в отличие от предшествующего двадцатилетия, Россия нуждалась не столько в импорте товаров, сколько в привлечении иностранных капиталов, для помещения которых в стране существовали выгодные условия — высокая норма прибыли в промышленности и более дешевая, чем на Западе, рабочая сила.

Поворот к протекционизму был общеевропейской тенденцией. После мирового экономического кризиса 1873 г. либерально-фритредерские идеи на Западе окончательно утратили былую популярность. В 1879 г. Германия в связи с появлением на европейском рынке огромного количества дешевого хлеба из Австралии, Америки и Индии установила высокие ввозные пошлины на сельскохозяйственные товары. За ней последовали Франция, Италия, Австро-Венгрия и другие страны. Это объяснялось трудностями экономического развития Европы последних десятилетий XIX в., осложненной мировым аграрным кризисом, который вскоре охватил и Россию.

Происходившее в 1880-е гг. систематическое увеличение российских пошлин завершилось принятием ультрапротекционистского тарифа 11 июня 1891 г.¹³, который не имел равных в Европе по уровню таможенной охраны. Ставки были повышены для 63 % ввоза, для 35 % оставлены без изменений, для 1 % понижены, для 1 % округлены¹⁴. Если в 1881 г. пошлины по всем границам империи составляли 16,5 % стоимости ввезенных товаров, то в 1892 г. — 33,1 %¹⁵. Таможенный доход в 1881–1892 гг. увеличился с 85,8 млн. до 130,6 млн. руб.¹⁶ Ограничение импорта сопровождалось беспрецедентным форсированием вывоза сельскохозяйственной продукции, несмотря на то, что цена на хлеб постоянно падала под влиянием аграрного кризиса. В итоге это позволило изменить торговый и платежный балансы в пользу России. Тем самым таможенная политика в сочетании с другими антикризисными мероприятиями способствовала стабилизации финансов и началу подготовки денежной реформы.

Однако вскоре после введения тарифа 1891 г. возникла необходимость в его дальнейшей корректировке. На Западе был поставлен на очередь вопрос о новых торговых договорах, так как к тому времени срок прежних уже заканчивался. Эти договора представляли собой сепаратные соглашения, допускавшие значительные уступки, не распространявшиеся на другие страны. В конце 1891 г. Германия заключила торговые договоры с Австро-Венгрией, Бельгией, Испанией и Швейцарией, в которых были впервые установлены сниженные на 30 % ставки на ввоз хлеба. Поскольку Россия не имела подобного договора с Германией, то эти льготы создавали для нее невыгодные условия при конкуренции в хлебной торговле. Поэтому правительство стремилось к заключению договора с Германией и рядом других стран. Однако это было затруднительно при действии в России единого автономного тарифа, который предоставлял всем импортерам равные условия. 1 июня 1893 г. последовал закон о двойном таможенном обложении, действовавшем одновременно, но дифференцированно по отношению к торговым партнерам. Минимальный тариф создавался путем конвенционных снижений ставок для стран, предоставлявших России право наибольшего благоприятствования, максимальный — путем надбавок в размере 15, 20 и 30 % для остальных стран¹⁷.

После принятия закона о двойном тарифе Германия повысила пошлины на российские товары на 50 %. Между двумя странами началась таможенная война, завершившаяся подписанием 29 января 1894 г. торгового договора сроком на 10 лет¹⁸. Германии были сделаны существенные уступки в пошлинах на импорт железа, стали, химических продуктов, машин и тканей. Взамен она понизила ставки на ввоз российского хлеба. Вместе с тем, хотя договор формально был построен на принципах

равноправия, он был невыгоден для России и в определенной степени превращал ее в аграрный придаток Германии. После заключения конвенционных договоров с Францией, Германией и Австро-Венгрией российское правительство распространило действие подобных тарифов на остальных торговых партнеров.

Однако применение конвенционных тарифов привело к возрастанию ввоза иностранных товаров, отрицательно сказалось на торговом балансе и таможенном доходе России. В начале XX в. эта система подверглась сильной критике в экономической литературе и печати как не отвечающая интересам страны, а выгодная только Германии и другим основным торговым партнерам. Преобладающим было мнение о возвращении к автономному тарифу. Благоприятный момент для этого наступил после истечения срока торгового договора с Германией и введения в 1902 г. германского таможенного тарифа, неблагоприятного для российского экспорта. 13 января 1903 г. в России был принят последний автономный тариф, который по уровню таможенной охраны превосходил тариф 1891 г.¹⁹ Он был специально разработан для облегчения переговоров с Германией о новом соглашении. Многие пошлины были настолько высоки, что импорт становился возможным только при условии уступок по торговым договорам.

Таможенный протекционизм, утвердившийся в России в последней четверти XIX в., был одним из проявлений правительственной политики, направленной на расширение государственного вмешательства в экономику, наряду с выкупом частных железных дорог в казну, введением винной монополии, созданием казенного ипотечного кредита и другими мерами этатистского характера. Запретительная система во внешней торговле способствовала индустриализации страны, стала одним из основных факторов промышленного подъема 1893–1898 гг. В этот период в народном хозяйстве на базе достижений мирового технического прогресса заметно ускорились процессы механизации и интенсификации производства. Со второй половины 1880-х гг. промышленная революция в России вступила в завершающий этап, в ходе которого окончательно победила крупная машинная индустрия²⁰.

Однако протекционизм при всех его плюсах имел и отрицательные стороны. Он неизбежно вел к монополизации промышленности, подавлял развитие свободной конкуренции и служил интересам не всей буржуазии, а лишь отдельных ее слоев. Заградительные таможенные барьеры в условиях отсталости России, с одной стороны, обеспечивали сохранение искусственно вздутых цен на товары, что приводило к сокращению внутреннего спроса и потребления, а с другой — тормозили технический прогресс в производстве, так как гарантировали высокую прибыль предприятиям с устаревшим оборудованием. Ограничение ввоза топлива и металлов наносило ущерб некоторым отраслям промышленности, сдерживание экспорта сельскохозяйственных машин тормозило рост производительности труда в деревне. Постоянно повышаемые пошлины ложились на плечи не только состоятельных социальных групп, но и широких кругов населения.

Тем не менее жесткая таможенная охрана, как и этатистская модель развития народного хозяйства в целом, соответствовали исторически сложившимся традициям экономической жизни России. Современные исследователи, сравнивая «фритредерский» и «протекционистский» периоды таможенной политики, отдают явное предпочтение правительственному курсу последних десятилетий XIX в. В коллективной монографии о процессах российской модернизации подчеркивается: «При всей сложности чисто экономической оценки фритредерства и протекционизма, зависящих от множества переменных факторов, модернизационный характер экономической политики в период правления Александра III заключался, прежде всего, в создании устойчивого, защищенного разумными протекционистскими барьерами геоэкономического пространства страны, что в перспективе оказывалось гораздо более ценным, чем следование текущей рыночной конъюнктуре в “открытом” пространстве мировой экономики»²¹.

Примечания

¹ О взглядах фритредеров и протекционистов, а также дискуссиях между ними см.: *Соболев М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911; *Куприянова Л. В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е гг. XIX в.). М., 1994; *Обухов Н. П.* Внешнеторговая, таможенно-тарифная и промышленно-финансовая политика России в XIX — первой половине XX вв. (1800–1945). М., 2007.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24464.

³ Там же. Т. 33. № 26218.

⁴ Там же. Т. 36. № 27987, 27988.

⁵ Там же. Т. 38. № 28964.

- ⁶ Янжул И. И. Английская свободная торговля: Ист. очерк развития идей свобод. конкуренции и начал гос. вмешательства. М., 1882. Вып. 2. С. 304–393.
- ⁷ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 25. Отд. 2. № 24533.
- ⁸ Там же. Т. 32. Отд. 1. № 31881.
- ⁹ Там же. Т. 43. Отд. 2. № 46079.
- ¹⁰ Соболев М. Н. Таможенная политика... С. 822.
- ¹¹ Министерство финансов. СПб., 1902. Ч. 2. С. 632.
- ¹² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 51. Отд. 2. № 56573.
- ¹³ Там же. Собр. 3. Т. 11. № 7811.
- ¹⁴ Кун Е. Развитие нашего таможенного обложения в последние десятилетия. Пг., 1917. С. 9.
- ¹⁵ Соболев М. Н. Таможенная политика... С. 823.
- ¹⁶ Министерство финансов. Ч. 2. С. 640.
- ¹⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 13. № 9705.
- ¹⁸ Там же. Т. 14. № 10409.
- ¹⁹ Там же. Т. 23. Отд. 1. № 22389.
- ²⁰ Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 208, 269.
- ²¹ Опыт российских модернизаций: XVIII–XX вв. М., 2000. С. 116–117.

О. В. Морозов

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ПРУССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первой страной в западном мире, где таможенная политика превратилась в инструмент решения общенациональных задач, была Британия и произошло это в ходе изменений британского общества и государства под воздействием революции 1640–1649 гг. В государствах континентальной Европы и России этот процесс затянулся почти на полтора столетия и приобрел черты общенациональной политики в конце XVIII — начале XIX в.

В указанный период в России и Пруссии состоялась трансформация сути и содержания таможенной политики, она постепенно переходила от обслуживания интересов узкой прослойки дворянства к выполнению общенациональных задач. Особенно — в тот период, когда народные хозяйства этих стран вступили в фазу промышленного переворота.

Целью статьи является исследование генезиса таможенной политики Российской империи и Прусского королевства в первой половине XIX в., определение факторов, которые влияли на ее формирование и осуществление.

Активное исследование таможенной политики России эпохи Александра I и первых лет правления Николая I началось в 1880-х гг. Среди дореволюционных исследователей следует отметить К. Н. Лодыженского¹, М. Н. Соболева². В советской историографии эта тематика приобрела освещение после Великой Отечественной войны в работах П. И. Лященко³, П. А. Хромова⁴, С. А. Покровского⁵, В. Л. Полякова⁶. Роль таможенной политики в процессе «собирания» германских земель вокруг Пруссии раскрыта в работах Б. Ф. Калиновского⁷.

Начало правления императора Александра I совпало с существенными геополитическими изменениями в Европе и нарождающимся кризисом социальной структуры внутри России. Значительное влияние на внутренние процессы в России оказали наполеоновские войны и в первую очередь система «континентальной блокады». Так сложилось, что суть системы «континентальной блокады» в историографии раскрывают лишь как инструмент военной стратегии Наполеона I, который использовал ее в условиях обострения конфликта с Англией. Однако французская историография объясняет содержание мероприятий под названием «континентальная блокада» как нечто иное. «Континентальная блокада» — это комплексный механизм борьбы с экономической экспансией Англии на европейском континенте. Французская промышленность требовала защиты, невзирая на цену за это. Фактически были интегрированы интерес буржуазии Франции и административная воля государственного аппарата. На создание этого альянса повлияли и удачные военные кампании французской армии. Континентальная Европа было под контролем французской армии, и это позволяло реализовать идею самодостаточного европейского рынка, защищенного от английской товарной экспансии высокими тарифами и военной силой. Следует отметить, что Англия за время действия «континентальной блокады» пережила два острейших кризиса (1808 и 1811 гг.). В первом квартале 1808 г. доходы от экспорта упали по сравнению с 1807 г. с 9000 млн. до 7244 млн. ф. ст., во втором — с 10754 млн. ф. ст. до 7688 млн.⁸

Россия присоединилась к «континентальной блокаде» с 20 марта 1807 г. Императорский указ вводил полный запрет на английский импорт. На английские суда и имущество купцов, которое на-